

ственности и Кодекс Наполеона новая власть не отменила, понимая, что её ждёт в этом случае. Но впереди была Революция 1830 года, когда среднее сословие вновь заявило о своих политических правах и посадило на французский престол своего ставленника – короля-банкира Луи-Филиппа.

Бейль в последние годы тайно сотрудничает с итальянскими карбонариями. Под их влиянием его представления о парламентаризме, политических правах и свободной печати обогащаются. Человек, прошедший через три цвета европейской истории, ценит их как гурман, это неотъемлемая часть его комфортной жизни. Он оставил нам трактат о любви, но не оставил нам трактата о свободе. «Красное и черное» – роман о поэтапном постижении свободы. Кто-то из критиков назвал Сореля Наполеоном нового времени (по психологии, конечно). Думаю, что это неточно. Жизнь Жюльена Сореля – это искусство быть свободным, как это представлял сам Анри Бейль.

РУССКИЙ БОНАПАРТ – ДЕКАБРИСТ ПЕСТЕЛЬ

К числу самых ярких событий в жизни Пушкина в Бессарабии относятся его встречи и разговоры с Павлом Ивановичем Пестелем. Не принижая роли дружбы и взаимоотношений поэта с «первым декабристом» В.Ф. Раевским, «декабристом без декабря» М.Ф. Орловым, и даже с П.Я. Чаадаевым, следует сказать, что это были разговоры двух выдающихся знатоков истории России, пытавшихся осмыслить пути исторического прогресса в этой стране, перехода от крепостного состояния к Конституции и демократическому строю. Очевидно, что и в данном случае Пестель остался верен своим правилам конспирации и не раскрыл авторства «Русской правды». Но круг идей этого потаённого документа декабризма обсуждался собеседниками горячо и заинтересованно. Пестель своими идеями заговора в армии и движения к демократии через диктатуру очень напоминал Бонапарта с его арсеналом политических средств. Но всё-таки Пестель, подгото-

вив обширную идеологическую платформу организации общественной жизни после переворота, оказался неспособным подготовить сам переворот. У заговорщиков не было шансов победить, так как у них не было серьезной поддержки в армии и обществе. Да, в Пестеле больше бонапартизма, чем, например, в «проконсуле Кавказа» А.П. Ермолове, который в самый решающий момент отказался от участия в гражданской войне. Но бонапартизм Пестеля – больше идеология, психологическая установка, чем реальная политика. Не все кандидаты в Бонапарты стали Наполеонами или, по крайней мере, Боливарами.

Пушкину, безусловно, были интересны мысли П.И. Пестеля о различных оттенках коренного народа русского, о естественных границах России, о пагубности идеи федерализма, которая может привести к развалу Российского государства. Оригинальным был его проект создания Еврейского государства в Малой Азии. Многие мысли Пестеля, касающиеся государственного устройства Юга России, перекликались с идеями ближайшего друга Пушкина Ивана Петровича Липранди. Да и профессионально Пестель и Липранди были очень близки. Турция и греческий вопрос были предметом их деятельности в Бессарабии.

Из автобиографии Пестеля: «Я вступил в службу в 1811 году, в ноябре месяце, из Пажеского корпуса в лейб-гвардии Литовский, что ныне лейб-гвардии Московский полк. По открытии кампании 1812 года находился я во фронте при полку и был с полком в сражении при селе Бородине, где под самый уже вечер 26 августа ранен был жестоко ружейною пулею в ногу с раздроблением костей и повреждением жил, за что и получил золотую шпагу с надписью за храбрость. От сей раны пролежал я до мая месяца 1813 года и, не будучи ещё вылечен, но имея рану открытою, из коей через весь 1813 год косточки выходили, отправился я к армии графа Витгенштейна, к коему назначен был в адъютанты. При нём находился я всю кампанию 1813 и 1814 годов, и во всех был сражениях, где он сам находился».

Пестель не сразу стал революционером: «Возвращение Бурбонского дома на французский престол и соображения мои впоследствии о сем происшествии, могу я назвать эпохой в моих политических мнениях, понятиях и образе мыслей: ибо начал рассуждать, что большая часть коренных постановлений, введённых революцией, были при реставрации монархии сохранены и за благие вещи признаны, между тем. как все восставали против революции, и я сам всегда против неё восставал. От сего суждения породилась мысль, что революция, видно, не так дурна, как говорят, и что может даже быть весьма полезна, в каковой мысли я укреплялся тем другим ещё суждением, что те государства, в коих не было революции, продолжали быть лишёнными подобных преимуществ и учреждений. Тогда начали сии причины присокупляться к выше уже приведённым; и начали во мне рождаться, почти совокупно, как конституционные, так и революционные мысли. От монархического конституционного образа мыслей был я переведён, в республиканской, главнейше, следующими предметами и соображениями: сочинение Детю де-Траси на французском языке очень сильно подействовало на меня. Он доказывает, что всякое правление, где главою государства есть одно лицо, особенно, ежели сей сан наследствен, неминуемо кончится деспотизмом. Все газеты и политические сочинения так сильно прославляли возрастание благоденствия в Северных Американских Соединенных Штатах, приписывая сие государственному их устройству, что сие мне казалось ясным доказательством в превосходстве республиканского правления».

Но взгляды Пестеля на будущее России полны пессимизма: «Что же в особенности касается до России, то, дабы в полной мере удостовериться, до какой степени федеративное образование государства было бы для неё пагубно, стоит только вспомнить, из каких разнородных частей сие огромное государство составлено. Области его не только различными учреждениями управляются, не только различными гражданскими законами судятся, но совсем различные языки говорят, совсем различные

веры исповедуют; жители оных различные происхождения имеют, к различным державам некогда принадлежали, и потому ежели сию разнородность ещё более усилить чрез федеративное образование государства, то легко предвидеть можно, что сии разнородные области скоро от коренной России тогда отложатся, и она скоро потеряет тогда не только свое могущество, величие и силу, но даже может быть и бытие свое между большими или главными государствами. Она тогда снова испытает все бедствия и весь неизъяснимый вред, нанесённые древней России удельною системою, которая также не что иное была, как род федеративного устройства государства; и потому, если какое-нибудь другое государство может ещё сомневаться во вреде федеративного устройства, то Россия уже никак сего сомнения разделять не может; она горькими опытами и долголетними бедствиями жестоко заплатила за сию ошибку в прежнем её государственном образовании».

После провала попытки декабристского переворота Пестель на допросах постоянно сравнивал «величественную силу Рима во дни республики с плачевным её уделом в правление императоров», подчеркивая, таким образом, свои республиканские взгляды. Но республиканец Пестель не был демократом, так как, по его собственным взглядам, федерализм и права малых народов несовместимы с идеей централизованного управления государством, как единственным способом сохранения России. Не был он и консерватором в буквальном смысле этого слова. П.И. Пестель был уникальным для России политическим мыслителем. Но не стал пророком в своем Отечестве.

ПУШКИН И ЛЕГЕНДЫ СВ. ЕЛЕНЫ

Личность Наполеона оказала решающее воздействие не только на политическую организацию Европы в XIX веке, но и на ее духовную судьбу. Наполеоновская легенда имела непосредственное влияние на Байрона, Гёте, Стендаля, Клаузевица, Ламартина, Гейне, Гюго и многих других

поэтов и писателей. Испытал это влияние и Пушкин. Так же, как и в случае с Байроном, можно выделить три этапа нарастания культа поклонения Наполеону в жизни и творчестве поэта. Первый этап – от «грозы двенадцатого года» до низложения императора. Второй – Наполеон на острове Св. Елены. Пик восторженного отношения к герою начинается с известия о смерти этого своеобразного «Прометея XIX века» и продолжается, судя по свидетельствам современников, всю жизнь.

Пушкин высоко ценил русских современников – участников наполеоновских войн, многие из которых были его знакомыми и друзьями. Он гордился знакомством с генералами П.А. Милорадовичем и А.П. Ермоловым, дружбой с генералом Н.Н. Раевским и его семейством, будущими декабристами генералами М.Ф. Орловым и С.Г. Волконским, полковником П.И. Пестелем. Среди знакомых Пушкина по Южной ссылке были генералы И.Н. Инзов, М.С. Воронцов и А.Ф. Ланжерон – участники войны 1812 года и заграничного похода русской армии. Но особенно ценным было общение с двоюродным братом А.П. Ермолова, знаменитым партизаном Денисом Васильевичем Давыдовым, который лично видел Наполеона во время знаменитой Тильзитской встречи русского и французского императоров. Пушкин познакомился с Давыдовым незадолго до ссылки на юг. Вероятно, этот и другие рассказы, услышанные Пушкиным в более поздний период, были настолько самобытны и красочны, что впоследствии были объединены автором в «Военные записки» и изданы в пушкинском «Современнике».

Одесса 1820-х годов представляла собой вполне европейский город на юге России. Сюда регулярно поступала корреспонденция из Европы, французские и английские газеты и журналы. В течение ряда лет в хронике светских новостей передавались живые подробности о жизни двух кумиров – Наполеона и Байрона, судьбе Нея и Мюрата, о жизни сына Наполеона герцога Рейхштадтского в замке Шенбрунн под Веной, любовных похождениях Марии-Луизы, происках английского губернатора Гудзона Лоу против узника острова Св. Елены. Большой инте-

рес для Пушкина представляли публикации из мемуаров Лас-Каза, Гурго, О'Миры и других спутников Наполеона по ссылке. Впервые интерес к Наполеону-легенде стал вытесняться в сознании поэта интересом к Наполеону – живому человеку. Источником любопытной информации об узнике Св. Елены были и офицеры штаба Воронцова, ранее командовавшего русским оккупационным корпусом во Франции.

Неожиданная для Пушкина антиякобинская и антипулистка позиция Наполеона, реформаторский размах его деятельности, его литературные вкусы и религиозные размышления, парадоксальные оценки России и русских, самокритика в отношении своих действий во Франции и в Европе и многое другое только укрепило духовное влияние этого необыкновенного человека на русского поэта.

Культ Наполеона не был для Пушкина просто светским увлечением, данью моде. Он помог поэту сформировать шкалу ценностей в сфере истории, позволил избежать крайностей национализма, реально сопоставить масштабы государственных деятелей-современников с этим историческим исполином.

В рассказах спутников Наполеона на острове Святой Елены много противоречий, но в пушкинскую эпоху это были «горячие новости»: «Монтолон передаёт, что 21 февраля император сказал: «Казнь Нея есть преступление. Кровь Нея должна быть священной для Франции. Поведение его в русском походе было неподражаемо. Оно должно было прикрыть священной эгидой даже измену, если бы он в ней был виновен, но Ней не изменял королю» и так далее. Таких выражений Наполеон 21 февраля употребить не мог, так как узнал о казни Нея только в середине марта.

Гурго первый сообщает Наполеону только что прочитанную новость о расстреле Мюрата: «Я сообщил печальное известие его величеству, который отнёсся к нему довольно равнодушно, заметив только, что Мюрат, должно быть, с ума сошёл, если рискнул на такое предприятие. Я сказал, что мне тяжело думать о том, что такой храбрый человек, как Мюрат, часто выдавший смерть лицом к лицу,

умер от рук таких людей. Император воскликнул, что это ужасно. Я настаивал на том, что Фердинанд не должен был допускать такого ужаса. Это вы, молодые люди, так думаете, отвечал император, а с треном шутить нельзя. Можно ли было смотреть на Мюрата как на французского генерала? Нет, он уже перестал быть таковым. А как на короля? Тоже нет, потому что он и не был признан Бурбонами. Фердинанд допустил его расстрел, точно так же, как сам он многих повесил».

Какую из своих побед Наполеон считал самой блестящей? Аустерлиц? Пожалуй, Бородино всё же гораздо значительнее. Это было великолепное сражение и при том данное так далеко от дома. При Аустерлице он имел наилучшую армию, а под Ваграмом – наибольшую из всех, когда-либо находившихся под его начальством. После Аустерлица, армия его стала качественно падать. С гордостью вспоминал Наполеон о своих стратегических маневрах при Экмюле – «лучших, которые я когда-либо совершал», когда с пятьюдесятью тысячами человек разбил тогда сто двадцать тысяч. Если бы он спал в ночь перед этим событием, то никогда бы его не выиграл, а он не только сам не спал, но и Ланну спать не давал». Главкомандующий не должен спать по ночам; именно тогда-то он и должен работать».

На острове Св. Елены Наполеон с большим интересом прочел английскую историю, которой не перечитывал со школьной скамьи. «Я читаю Юма, сказал он однажды, эти англичане очень жестокие люди; сколько преступлений занесено в их историю. Подумайте о Генрихе VIII, женившемся на леди Сеймур в тот же самый день, когда он казнил Анну Болейн. Мы, в нашей стране, никогда не делали ничего подобного. Даже Нерон не совершал таких преступлений. А королева Мария! Да, Салический закон – прекрасное учреждение!» Особенно интересна параллель, которую он проводил между самим собой и Кромвелем. По его мнению, английская революция имела много сходства с французской, но положение Кромвеля нельзя сравнивать с его собственным. Наполеон был трижды свободно избран французским народом, и французская армия дра-

лась только с иностранцами. Главным качеством Кромвеля была скрытность, но он обладал также здравым смыслом и большим политическим тачантом, так как ни один из его поступков нельзя признать плохо обдуманном и нерасчетливым. Был ли он великим полководцем? Наполеон судить об этом не брался, так как плохо был знаком с его походами.

Ответственность за русскую кампанию Наполеон брал на себя: «Я распорядился и я один во всём виноват». Узнав в Дрездене, что не получит поддержки ни от Турции, ни от Швеции, он, по собственному признанию, должен был остановиться. Но, даже дойдя до Москвы, я ещё мог бы выиграть дело – стоило только не оставаться там больше двух недель. Мне бы следовало тогда же разбить остатки армии Кутузова, предложить русским уйти, ничего не разрушая, и двинуться на Мало-Ярославец, Тулу и Калугу».

Наполеон, в своем уединении, по-видимому, больше всего сожалел о трёх своих неудачах или ошибках: во-первых – о том, что ему не удалось умереть в какой-нибудь решительный момент своей жизни, во-вторых – что он перестал искать пищи своему самолюбию на Востоке, в-третьих, о поражении под Ватерлоо. Наиболее подходящий момент для смерти обсуждался им совместно с окружающими. «Ради истории я должен бы был умереть в Москве, под Дрезденом или при Ватерлоо». Или: «Я должен был умереть, войдя в Москву». Или: «Я должен был умереть при Бородине». Гурго тоже думает, что император должен бы быть умереть или в Москве или при Ватерлоо, и склоняется к последнему только потому, что иначе не было бы Ста Дней. Лас-Каз настроен против Москвы на том же основании. Но сам Наполеон видимо предпочитал Москву. Если бы он был убит ядром, пущенным со стен Кремля, то величие его не пострадало бы, династия утвердилась бы во Франции и все учреждения сохранились в целостности. А теперь слава его погибла, и потомство о нём забудет, если только герцог Рейхшадтский не сядет на французский трон. «Умри я в Москве, – сказал он в другой раз, – за мной бы осталась репутация

победителя, не имеющего себе равного в истории. Да, пуля должна была бы именно там положить конец моей карьере».

Величайшим моментом в жизни Наполеона, по его мнению, было пребывание в Дрездене в 1812 году, когда все монархи Европы, исключая русского императора, английского короля и султана, были у его ног. А какой момент был счастливейшим? О'Мире он сказал, что это был поход от Канн до Парижа; но в другом случае он предложил свите отгадывать. Гурго сказал, что счастливейшим моментом был второй брак. Мадам Монтолон думала, что это было назначение Первым консулом. Бертран предположил, что это было рождение сына. Наполеон отвечал: «Да, я был счастлив, сделавшись Первым консулом, вступая во второй брак и при рождении Римского короля, но во всех этих случаях мне не хватало подъёма духа и самоуверенности. Пожалуй, что счастливейшим моментом в моей жизни был Тильзит. Я тогда только-что выбрался из множества затруднений, особенно под Эйлау, и явился победителем среди императоров и королей, толпившихся в моей приёмной. А, может быть, что я был самым счастливым человеком после победы в Италии. Какой энтузиазм! Сколько криков! Да здравствует освободитель Италии!» И все это в двадцать пять лет! Я тогда только понял, чем могу сделаться и чего стою. Я точно был поднят на воздух и я видел весь мир у своих ног.»

Память его была очищена страданиями на острове Св. Елены. Наполеон прекрасно знал, что плен и одинокая смерть искупят все его ошибки и неловкости. Благодаря несчастьям последних лет жизни, с имени Наполеона были смыты упреки в деспотизме, в ненасытной жажде крови и денег, в навлечении двух иностранных нашествий на Францию – память его стала священной для народа. Французское крестьянство, наряду с армией, служило главной его опорой, потому что смотрело на него, как на верный оплот против феодалов и феодальных привилегий, против возврата земель, конфискованных революцией, передачи прежним их собственникам. Крестьянство, поэтому, и было ревнивым хранителем его славы. В кре-

стьянской среде долго жили легенды о его чудесных подвигах.

Беранже обобщил народное представление о Наполеоне в рассказе старой крестьянки, даже не знавшей ни одной из его побед: «Долго, долго, – говорит поэт в этом стихотворении, – под соломенными крышами будут говорить о его славе. В течение пятидесяти лет бедные хижины не будут знать других рассказов, так как, по словам старухи, она сама видела Его проезжающим по этой деревне со свитой из королей». Он один получил такую почесть, какой редко кто из великих людей удостаивался. Для Франции Он – не генерал, не консул, не император, не Наполеон даже, а просто «Человек».

Наполеону-человеку посвятил Пушкин одно из самых ярких своих стихотворений:

НАПОЛЕОН

Чудесный жребий совершился:
Угас великий человек.
В неволе мрачной закатился
Наполеона грозный век.
Исчез властитель осуждённый,
Могучий баловень побед,
И для изгнанника вселенной
Уже потомство настает.

О ты, чьей памятью кровавой
Мир долго, долго будет полн,
Приосенён твоею славой,
Почий среди пустынных волн!
Великолепная могила...
Над урной, где твой прах лежит,
Народов ненависть почила
И луч бессмертия горит.

Давно ль орлы твои летали
Над обесславленной землей?

Давно ли царства упадали
При громах силы роковой?
Послушны воле своенравной,
Бедой шумели знамена,
И налагал ярем державный
Ты на земные племена.

Когда надеждой озарённый
От рабства пробудился мир,
И галл десницей разъярённой
Низвергнул ветхий свой кумир;
Когда на площади мятежной
Во прахе царский труп лежал,
И день великий, неизбежный –
Свободы яркий день вставал, –

Тогда в волненье бурь народных
Предвидя чудный свой удел,
В его надеждах благородных
Ты человечество презрел.
В свое погибельное счастье
Ты дерзкой веровал душой,
Тебя пленяло самовластье
Разочарованной красой.

И обновлённого народа
Ты буйность юную смирил,
Новорождённая свобода,
Вдруг онемев, лишилась сил;
Среди рабов до упоенья
Ты жажду власти утолил,
Помчал к боям их ополченья,
Их цепи лаврами обвил.

И Франция, добыча славы,
Пленённый устремила взор,
Забыв надежды величавы,
На свой блистательный позор.

Ты вёл мечи на пир обильный;
Всё пало с шумом пред тобой:
Европа гибла; сон могильный
Носился над её главой.

И се, в величии постыдном
Ступил на грудь её колосс.
Тильзит!.. (при звуке сем обидном
Теперь не побледнеет росс) –
Тильзит надменного героя
Последней славою венчал,
Но скучный мир, но хлад покоя
Счастливец душу волновал.

Надменный! кто тебя подвигнул?
Кто обуял твой дивный ум?
Как сердца русских не постигнул
Ты с высоты отважных дум?
Великодушного пожара
Не предугнав, уж ты мечтал,
Что мира вновь мы ждём, как дара;
Но поздно русских разгадал...

Россия, бранная царица,
Вспомни древние права!
Померкни, солнце Австерлица!
Пылай, великая Москва!
Настали времена другие:
Исчезни, краткий наш позор!
Благослови Москву, Россия!
Война: по гроб наш договор!

Оцепенелыми руками
Схватив железный свой венец,
Он бездну видит пред очами,
Он гибнет, гибнет наконец.
Бежат Европы ополченья;
Окровавленные снега

Провозгласили их паденье,
И тает с ними след врага.

И всё, как буря, закипело;
Европа свой расторгла плен;
Во след тирану полетело,
Как гром, проклятие племен.
И длань народной Немезиды
Подъяту видит великан:
И до последней все обиды
Отплачены тебе, тиран!

Искуплены его стяжанья
И зло воинственных чудес
Тоскою душного изгнанья
Под сенью чуждою небес.
И знойный остров заточенья
Полнощный парус посетит,
И путник слово примиренья
На оном камне начертит.

Где, устремив на волны очи,
Изгнанник помнил звук мечей
И льдистый ужас полуночи,
И небо Франции своей;
Где иногда, в своей пустыне
Забыв войну, потомство, трон,
Один, один о милome сыне
В унынье горьком думал он.

Да будет омрачен позором
Тот малодушный, кто в сей день
Безумным возмутит укором
Его развенчанную тень! Хвала!..
Он русскому народу
Высокий жребий указал
И миру вечную свободу
Из мрака ссылки завещал.

«ДЯДЬКА» ИВАН КАПЭ И МИШЕЛЬ ЛЕРМОНТОВ

Биографы Лермонтова не оспаривают того факта, что первым гувернером («дядькой») мальчика в возрасте от 2 до 5 лет был ветеран наполеоновской армии Иван (Жан) Капэ. Впрочем, некоторые сомневаются в имени Жан и говорят, что, скорее всего, это имя было перенесено с имени второго «дядьки» – Жана Жандро, который попал в Россию как эмигрант, спасаясь от ужасов Великой французской революции.

Наполеон привёл к Березине остатки Старой и Молодой гвардии и остатки корпусов Удино и Виктора, которые не участвовали в Бородинском сражении – всего 30,0 тысяч боеспособных войск из 300,0 тысяч, участвовавших в военных действиях на московском направлении. Ещё примерно 60,0 тысяч раненых, обмороженных, больных, оставших в виде неорганизованной толпы под охраной 5,0 тысяч баварцев генерала Вреде. Все они пытались перейти на другой берег по понтонным мостам через Березину в районе Студенки. Тысячи из них утонули в ледяной воде, когда один из мостов рухнул. Началась паника, авангарду Чичагова безоружные французские солдаты тысячами сдавались в плен. Впрочем, отношения русских к пленным французам при Березине было самое гуманное – делились солдатскими пайками и вместе обогревались у костров (начало этой традиции было положено ещё в захваченной французами Москве – русские раненые согревались у французских костров). Возможно, Жан Капэ был одним из оставших и взятых в плен.

Любимая бабушка Лермонтова, Елизавета Алексеевна Столыпина, была из многодетной семьи Алексея Емельяновича Столыпина, у которого было шестеро сыновей и пять дочерей. После ранней смерти мужа и дочери она взяла маленького Мишеля на воспитание. Понятно, что родственники помогали ей как могли: кто-то из братьев, участников войны с Наполеоном, предложил ей Жана Капэ в качестве «дядьки», воспитателя.

А братья Столыпина были как на подбор! Александр

Алексеевич – был адъютантом Суворова в Итальянском походе 1799 года, Аркадий Алексеевич – сенатором и другом реформатора М.М. Сперанского, известного своими пронаполеоновскими взглядами, Николай и Дмитрий Алексеевичи были участниками войны 1812 года и дослужились впоследствии при Николае I до генеральских званий. Николай Алексеевич был на бородинском поле артиллеристом. Как говорится, наполеоновская тема и тема защиты Отечества всегда были на слуху у подрастающего подростка. Впоследствии наставники Мишеля Лермонтова по Благородному пансиону при Московском университете отмечали исключительное знание Лермонтовым современной истории. Именно поэтому «Бородино» стало одним из первых поэтических произведений поэта:

– Скажи-ка, дядя, ведь недаром
Москва, спалённая пожаром,
Французу отдана!
Ведь были ж схватки боевые,
Да, говорят, ещё какие!
Недаром помнит вся Россия
Про день Бородина.

Тема дяди-артиллериста ещё не раз прозвучит в стихотворении:

Забил заряд я в пушку туго
И думал: угощу я друга!
Постой-ка, брат, мусью!

Как и в пушкинском «Наполеоне» у Лермонтова здесь нет ненависти, особое состояние души и ума – патриотизм без ненависти.

Прилёт вздремнуть я у лафета,
И слышно было до рассвета,
Как ликовал француз.

«Ликовал» – это не из мемуаров, а из устных рассказов,

именно эти рассказы очевидцев и знание оценок русской и французской сторон сделали стихотворение Лермонтова маленьким поэтическим шедевром, принесли ему поистине всенародную любовь.

Изведал враг в тот день немало,
Что значит русский бой удалый,
Наш рукопашный бой!..
Земля тряслась как наши груди,
Смешались в кучу кони, люди,
И залпы тысячи орудий
Слились в протяжный вой...

Вот это картина! Похлеще Верещагина и других художников-баталистов. Ай да Лермонтов, ай да французские и русские наставники!

В моей библиотеке среди любимых старых книг хранится альбом, изданный в Париже в 1833 году, с портретами маршалов Франции, сподвижников Наполеона. На шмуц-титule экслибрис: «Школы гвард. подпрапорщ. и юнкеров А. Столыпину». Это тот самый кузен Алексей Столыпин-Монго, двоюродный брат Лермонтова, с которым они совместно служили и жили в Царском Селе в 1834 году. Этот альбом не мог не перелистывать Мишель Лермонтов, бонапартист по воспитанию и знаток военной истории. До написания «Бородина» оставалось три года.

ИСТОРИКИ-БОНАПАРТИСТЫ И ТОЛСТОЙ: СПОР О НАПОЛЕОНЕ

Творческие архивы Льва Николаевича Толстого, автора романа «Война и мир», подтверждают, что русский писатель основательно изучил исторические первоисточники. Среди них наиболее известные мемуары участников событий 1812 года, классические исторические монографии на эту тему Гервинуса, Шлоссера, И. Тэна, А. Тьера. В Европе набирала силу наполеоновская легенда, бонапартизм был уже политической модой, пле-

мянник Наполеона готовил почву для государственного переворота, к роли Наполеона III (Наполеоном II бонапартисты считают сына Наполеона, герцога Рейхштадтского, рано умершего). Толстой заканчивал четвертый том своего знаменитого романа. В эпилоге писатель подчеркивал, что «это не роман, ещё менее поэма, ещё менее историческая хроника», то есть «сплошное отступление от европейской формы». Особенно много отклонений от рассказов историков в описаниях исторических событий, но отклонения отклонениям рознь. Толстой – один из немногих в России и мире художников слова, который решился обесмыслить историю, сведя её к комбинациям случайностей. Речь идёт не об отклонениях в оценке деталей, Толстой в восприятии истории субъективист и нигилист. Если его искусство художника слова ни у кого не вызывает сомнений, то его исторические взгляды – зарождение идеологии пресловутого толстовства, которые он упорно исповедовал в конце жизни. Хочу напомнить читателю его явно антипатичную характеристику Наполеона:

«Случайность, миллионы случайностей дают ему власть, и все люди, как бы сговорившись, содействуют утверждению этой власти. Случайности делают характеры тогдашних правителей Франции, подчиняющимися ему: случайности делают характер Павла I, признающего его власть; случайность делает против него заговор, не только не вредящий ему, но утверждающий его власть. Случайность посылает ему в руки Энгиенского и нечаянно заставляет его убить, тем самым, сильнее всех других средств, убеждая толпу, что он имеет право, так как он имеет силу. Случайность делает то, что он напрягает все силы на экспедицию в Англию, которая, очевидно, погубила бы его, и никогда не исполняет этого намерения, а нечаянно нападает на Мака с австрийцами, которые сдаются без сражения. Случайность и гениальность дают ему победу под Аустерлицем, и случайно все люди, не только французы, но и вся Европа, за исключением Англии, которая и не примет участия в имеющих совершиться событиях, все люди, несмотря на прежний ужас

и отвращение к его преступлениям, теперь признают за ним его власть, название, которое он себе дал, и его идеал величия и славы, который кажется всем чем-то прекрасным и разумным.

Как бы примериваясь и приготавливаясь к предстоящему движению, силы запада несколько раз в 1805-м, 6-м, 7-м, 9-м году стремятся на восток, крепчая и нарастая, достигает конечной цели – Москвы. Столица взята; русское войско более уничтожено, чем когда-нибудь были уничтожены неприятельские войска в прежних войнах от Аустерлица до Ваграма. Но вдруг вместо тех случайностей и гениальности, которые так последовательно вели его до сих пор непрерывным рядом успехов к предназначенной цели, является бесчисленное количество обратных случайностей, от насморка в Бородине до морозов и искры, зажегшей Москву; и вместо гениальности являются глупость и подлость, не имеющие примеров. Нашествие бежит, возвращается назад, опять бежит, и все случайности постоянно теперь уже не за, а против него».

В русской литературе был ещё один писатель, который пытался доказать, что Наполеон был просто «счастливым», а непрерывная цепь удач – это заслуги других людей. У самого героя – ни ума, ни фантастической работоспособности, ни профессионализма, ни, тем более, гениальности. Наполеона сделали другие – так считал Дмитрий Сергеевич Мережковский. Толстой в романе идёт дальше, он говорит оппонентам-бонапартистам: вся история случайна и сам Наполеон продукт комбинации случайностей. Можно согласиться с посылкой, если жизнь случайна, то и жизнь Наполеона, в известном смысле, случайна, но в такой постановке нет места объективным законам истории, объективной роли Наполеона для своей эпохи и в будущем, научно выверенным причинам мотивации его военных и политических действий. Допустим, Тьер в своих работах нарушил меру и в них слишком много слащавого бонапартизма и филиама в адрес главного героя – это, понятно, не нравилось Толстому. Но Шлоссер, которого любил и перевёл

для русского читателя Н.Г. Чернышевский, говорил о Наполеоне как наследнике Великой французской революции, человек, который изменил мир, как властителя дум, тоже отвергнут русским писателем.

Что следует из исторического нигилизма Толстого? – его известный взгляд на Наполеона в 1812 году, поверженного «дубиной народной войны»:

«Со времени пожара Смоленска началась война, не подходящая ни под какие прежние предания войн. Сожжение городов и деревень, отступление после сражений, удар Бородина и опять отступление, оставление и пожар Москвы, ловля мародёров, переимка транспортов, партизанская война – всё это были отступления от правил.

Наполеон чувствовал это, и с самого того времени, когда он в правильной позе фехтовальщика остановился в Москве и вместо шпаги противника увидел поднятую над собой дубину, он не переставал жаловаться Кутузову и императору Александру на то, что война велась противно всем правилам (как будто существовали какие-то правила для того, чтобы убивать людей). Несмотря на жалобы французов о неисполнении правил, несмотря на то, что русским, высшим по положению людям казалось почему-то стыдным драться дубиной, а хотелось по всем правилам стать в позицию *en quarte* или *en tierce*, сделать искусное выпадение в *prime* и т.д., – дубина народной войны поднялась со всей своей грозной и величественной силой и, не спрашивая ничьих вкусов и правил, с глупой простотой, но с целесообразностью, не разбирая ничего, поднималась, опускалась и гвоздила французов до тех пор, пока не погибло всё нашествие.

И благо тому народу, который не как французы в 1813 году, отсалютовав по всем правилам искусства и перевернув шпагу эфесом, грациозно и учтиво передаёт её великодушному победителю, а благо тому народу, который в минуту испытания, не спрашивая о том, как по правилам поступали другие в подобных случаях, с простотою и лёгкостью поднимает первую попавшуюся дубину и гвоздит ею до тех пор, пока в душе его чувство

оскорбления и мести не заменяется презрением и жалостью».

Осмелюсь утверждать, что по форме, как общая реакция на нашествие, мысль Толстого правильна, но, по существу, в свете исторических фактов, нет. Александр I, несмотря на свои громкие заявления, ни при каких условиях, по понятным причинам, не пошёл бы на всеобщее вооружение народа как это было, например, в Испании. Были отдельные примеры, когда крестьяне создавали партизанские отряды (Герасим Курин, Василиса Кожина и другие). Основная же масса партизанских соединений состояла из военных (Фигнер, Сеславин, Давыдов, Чернышев, Винцингероде, Бенкендорф и др.). Это была тактика борьбы, избранная Кутузовым.

Что касается народа, основную массу которого представляли крестьяне, то они не понимали и не хотели понимать политических тонкостей. Ещё в 1807 году Наполеон публично был объявлен Антихристом, его армия вела захватническую войну, была внешним врагом, которому надо было дать отпор. Взрыв озлобления пришёлся на момент, когда Наполеон дал приказ маршалу Мортье взорвать русские православные святыни. Крест с колокольни Ивана Великого был снят, его хотели послать в Париж как победный трофей. Частично был взорван Кремль (Филаретовская колокольня, Рождественская церковь, Арсенал и Кремлевский дворец). Чудом, благодаря бдительности казначейши-монашки, удалось сохранить Новодевичий монастырь. Вот тогда дело дошло до «дубины народной войны», путь отступления до Березины был усеян погибшими от рук народных мстителей солдатами и офицерами Великой Армии.

Александр I удержал народную войну под контролем. Главным фактором победы стала русская армия и её военные вожди. Мастер-классы Наполеона в 1805-1807 годах не прошли даром, боевые возможности русских выросли, в то время как боеспособность объединённой армии Европы, которая вторглась в Россию, снизилась, меньше стало революционного энтузиазма, маршалы потеряли форму в погоне за высокими денеж-

ными рентами и княжескими титулами, по мере роста самовластья лучшие из них были устранены с первых ролей, цвет французской армии сражался на втором фронте в Испании. И всё-таки сопротивление русских было фантастическим. Мужество и военное искусство, несмотря на отдельные ошибки на первом этапе войны, определили итоги этой кампании. Это и есть реальная история – без преувеличений историков и заблуждений писателей.

БИБЛИОГРАФИЯ

КНИГИ

1. **Потаенные романы Пушкина. 1823-1824** / *Владимир Димов*. – Издательство «Димофф и К», 1996. – 592 с. – **10000 экз.**

2. **Вся Одесса. 1794-1994. Антология. Словарь** / *Владимир Димов*. – Издательство «Димофф и К», 1998. – 1168 с. – **3000 экз.**

Вся Одесса. 1794 -1994. Антология. Словарь / *Владимир Димов*. – 2 издание, Изд-во «NDE» Canada Corp, 1999. – 1168 с. – **15000 экз.**

3. **Вольный Дунай среди народов, муз и героев Европы** / *Владимир Димов*. – М.: Классика, 2001. – 320 с. – **5000 экз.**

4. **Потемкин в жизни: Свод свидетельств о жизни и деяниях основателя Новороссии** / *Владимир Димов*. – М.: Классика, 2002. – 559 с. На авантит.: 300-летию Санкт-Петербурга, 1703-2003. – **5000 экз.**; 2 издание – М.: Классика, 2003. – 558 с. – **2000 экз.**

5. **Кульмский крест: Очерки Пруссии, Польши и Остзейской России** / *Владимир Димов*. – М.: Изд-во Н. Михалкова, 2002. – 351 с. На авантит.: 750-летию г. Кенигсберга – родины великого Иммануила Канта. – **1000 экз.**

6. **Университет Ломоносовых** / *Владимир Димов*. – М.: Изд-во Московского университета, 2003. – 415 с. – Указ. имен. – **3000 экз. + 4000 экз.** (допечатка)

7. **Мое Кунцево:** Царское село Москвы. Кунцевские чтения. Рус. ампир / *Владимир Димов*; Предисл. акад. В.Л. Янина. – М.: Изд-во Московского университета, 2003, – 413 с. – **3000 экз.**

8. **Два гиганта:** Россия и США в анналах истории и демократии / *Владимир Димов*. – М.: Изд-во Московского университета, 2004. – 415 с. – **3000 экз.**

9. **Путешествие в Новый Иерусалим:** книга о разнообразии Истринской земли, ее святых, героях и ученых / *Владимир Димов*. – М.: Изд-во Московского университета, 2005. – 510 с. – **3000 экз.**

10. **Уроки немецкого:** гуманитарный взгляд на Германию и немцев в России / *Владимир Димов*. – М.: Изд-во Московского университета, 2006. – 414 с. – **2000 экз.**

11. **Справедливый либерализм:** путь к комфортному государству / *Владимир Димов*. – М.: Изд-во Московского университета, 2007. – 414 с. – **2000 экз. + 2000 экз.** (2-е издание).

12. **Демократия как национальная идея.** Введение в теорию институциональных реформ / *Владимир Димов*. – М.: Изд-во ВШПП, 2010. – 352 с. – **500 экз.**

13. **Глазами Чацкого.** Об одесском романтизме, университетском свободомыслии и реформах, которых не было. / *Владимир Димов*. – М.: Изд-во ВШПП, 2011. – 296 с. – **500 экз.**

СБОРНИКИ СТАТЕЙ

1. **Открытая книга предпринимательства.** – М.: Изд-во «Техинвест», 1991. – 360 с. – **16000 экз.**

2. **Конкурентная Россия** (совместно И.А. Южановым). – М.: Изд-во Московского университета, 2004. – 412 с. – **2000 экз.**

ИНТЕРНЕТ-ИЗДАНИЯ

<http://www.dimov.ru>

1. **Остафьевские лекции** / *Владимир Димов.* – 2008. – 448 с.

2. **Слово о полку Игореве.** Источники и творческая лаборатория сочинителя «Игоревой песни» Н.М. Карамзина / *Владимир Димов.* – 2009. – 248 с.

3. **Демократия как наука.** Ценности. Институты. Законы / *Владимир Димов.* – 2008. – 255 с.

4. **Власть институтов.** 300 лет Россия методами проб и ошибок идет к европейской модели саморегулируемой экономики / *Владимир Димов.* – 2009. – 256 с.

5. **Политэкономия гражданского общества: междисциплинарные исследования** / Доклад РАЕН – *Владимир Димов.* – 2011 – 42 с.

МЕМОРИАЛ 1812 ГОДА ВОЙНА ГЛАЗАМИ НАПОЛЕОНА

Владимир Димов
Публикация и комментарии

Главный редактор – А.И. Владимиров
Ответственный за выпуск – В.Л. Ерёмин
Литературный редактор – М.Г. Петровская
Художественный редактор – А.В. Бизякин
Консультант – П.А. Панкратов
Дизайн и верстка – М.Л. Кравцов
Компьютерный набор – С.Ю. Даянова
Корректор – Е.А. Яцкова

В оформлении обложки использована картина В.В. Верещагина
«Наполеон на Поклонной горе. В ожидании депутации бояр» (1892)
и фрагменты французских гравюр первой половины XIX века.

Подписано в печать – 05.05.2012 г.
Формат 72×104 ¹/₃₂, Гарнитура Minion Pro.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Печ. л. 9,0.
Тираж 2000 экз. Заказ № 120489.

Отпечатано ООО «Ваш Домъ»,
248640, г. Калуга, Гагарина, 1,
тел. (4842) 57-30-42.